

Ю. Н. Кежа

ПОЛИТИЯ РОГВОЛОДА И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОДВИНЬЯ В X ВЕКЕ

Целью данной работы является рассмотрение начального процесса формирования общности, проживавшей на территории Среднего Подвинья в X в., известной по письменным источникам как «полочане». В качестве методологического инструментария мы будем ориентироваться на основные заключения, разработанные представителями «Венской школы исторической этнографии». Главным положением основателя данной школы Р. Венкуса является вывод, что формирование раннесредневековых этнических сообществ происходило благодаря деятельности небольших военизированных групп людей, которые объединяли вокруг себя окружающее гетерогенное население. Военизированные группы, превращаясь в элитарную часть варварского социума, выступали носителями нового этнического имени, а также «ядра традиции» (Traditionkern) — системы представлений об общем происхождении, преданий и норм, сообщавших отличительные черты нового сообщества. Концепция Р. Венкуса получила широкое распространение в медиевистике, а также дальнейшее развитие и трансформацию в трудах Х. Вольфрама и В. Поля¹.

Используя основные подходы Венской школы, мы считаем возможным выделить в раннесредневековой (IX–X вв.) истории Восточной Европы значительные

¹ Историографические обзоры о подходах «Венской школы исторической этнографии» см.: *Шпирт А. М.* Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего средневековья (опыт историографического обзора) // Альманах по истории средних веков и раннего Нового времени. 2013. № 3–4. С. 42–52; *Стефанович П. С.* Новые подходы к медиевистике: Взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность. 2018. С. 467–487. — В последнее десятилетие основные разработки Венской школы стали применяться российскими исследователями, см., например: *Алимов Д. Е.* Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX в. СПб., 2016; *Кибинь А. С.* От Ятвязи до Литвы: Политические и социокультурные трансформации в бассейне Верхнего Немана в X–XIII в. М., 2012.

социально-политические изменения, связанные с появлением новых элит и формированием устойчивых этнополитических сообществ.

Кардинальные социально-политические, экономические и культурные перемены на землях Восточной Европы связаны с эпохой викингов (IX–XI вв.). Вместе с появлением выходцев из Северной Европы начинается активное развитие трансъевропейских торговых маршрутов: Балтийско-Волжского («путь из варяг в арабы») и Балтийско-Черноморского («путь из варяг в греки»).

Период функционирования первого торгового пути относится к середине VIII – первой половине X в. Он охватывал регионы Поволховья и Верхнего Поволжья. Здесь возникают первые крупные торгово-ремесленные поселения, обслуживающие данный маршрут: Ладога, Рюриково Городище в Поволховье; Тимерёво, Сарское Городище в Ярославском Поволжье. Информации о вовлечении территории Белорусского Подвинья в систему Балтийско-Волжского торгового пути на сегодняшний день нет². Активное проникновение скандинавов на территорию Подвинья связано с функционированием второго главного трансъевропейского торгового пути, который связывал страны Западной Европы и Скандинавии с Византией — Балтийско-Черноморского («путь из варяг в греки»). Согласно «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), данный путь из Балтийского моря, где были расположены крупные торговые центры Скандинавии, проходил через Финский залив, затем по р. Нева впадал в Ладожское озеро. С Ладожского озера маршрут тянулся по р. Волхов в озеро Ильмень. Оттуда вверх по р. Ловать, где в районе Гнездово через систему волоков по мелким рекам ладьи переправлялись в Днепр. Далее путь выходил в Черное море, минуя Днепровские пороги. По морю путь вел в столицу Византии — Константинополь³.

Как показывает археологический материал, практически полное отсутствие северо-европейских древностей на юге от водораздела Западной Двины – Днепра – Верхней Волги до рубежа X в.⁴ свидетельствует о недостаточном знакомстве скандинавов с Днепровским путем и Южной Русью (по крайней мере в первой половине IX в.). Первоначальные проникновения скандинавов на белорусские земли в регион Верхнего Подвинья были связаны с их движением с севера, вероятно, через Поволховье и Приильменье. Видимо, причины этого движения связаны с трактовкой северной части пути «из варяг в греки» (Волхова и Днепра) как одного из ответвлений «серебряного пути», по которому поступали в Северную Европу куфические дирхемы Арабского Халифата⁵. Согласно выводам И. И. Еремеева, именно стремление к контролю над этим маршрутом было одной из главных причин, которые привели к проникновению выходцев из Северной Европы с Приильменья в верховья Западной Двины, а оттуда — в верхнее течение Днепра⁶.

² Кежа Ю. М. Асноўныя фактары станаўлення і легітымізацыі княжацкай улады на беларускіх землях у VIII–X стст. // *Studia Historica Europae Orientalis*. 2013. Вып. 6. С. 30.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 8.

⁴ Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 288.

⁵ Леонтьев А. Е. Археологические памятники ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры. Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси. М., 1988. С. 6–8.

⁶ Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010. С. 507.

Присутствие скандинавов в междуречье Днепра и Западной Двины маркируется североευропейскими находками, которые датируются второй половиной IX – началом X в. В урочище Красный ручей найдена бронзовая шейная гривна, пластинчатое височное кольцо и бронзовый браслет в виде ладьи⁷. Подобные находки (в частности, ладьевидные орнаментированные браслеты) отождествляются с находками IX в. в Швеции и Финляндии⁸. Группа североευропейских изделий найдена в бассейне р. Каспля около Торопца. Прежде всего, это знаменитая монета из Хедебю (IX в.), найденная в кладе арабского серебра на поселении уд. Кислая. Также в окрестностях Торопца найдена равноплечная фибула, датируемая второй половиной IX – X в. Интерес представляют находки в могильнике Шугайлаво (односторонний гребень) и бассейне р. Лучёса (Добринский клад)⁹.

Одним из свидетельств проникновения североευропейцев на территорию Подвинья является денежно-вещевой клад, найденный в пойме р. Березина около д. Брили. Клад состоял из монетной части (290 дирхемов), весовых гирек, серебряной шейной гривны и каролингского меча, который относится к типу «Н» по хронологии Я. Петерсена¹⁰. Согласно анализу денежно-вещевого клада из Брилей, его датировка относится к 890–892 гг.¹¹

Об освоении скандинавами региона Верхнего Подвинья свидетельствуют археологические исследования на городище Горяны 1. Постройки второго периода функционирования городища VIII–IX вв. погибли в пожаре. Скорее всего, в следах пожара отражено военное нападение, закончившееся уничтожением или угоном жителей. После гибели городища на площади прежнего поселения был возведен курган высотой около 3 м и диаметром 40 м. В результате раскопок обнаружено, что строители кургана придавали особое значение формированию у насыпи ровной и широкой вершины. Такой строительный прием был бы оправдан только в том случае, если бы вершина кургана предназначалась для большого скопления людей¹². Подобные большие насыпи характерны для Северной части Руси периода установления там скандинавов (IX в.). Таким образом, на примере городища Горяны 1 отражено проникновение пришлого населения, которое могло носить характер военных нападений, грабежа и насильственного захвата жителей и материальных ценностей.

Со второй половины – конца IX в. на территории Подвинья к западу от Витебска формируются крупные торговые поселения. Исследования 2015–2017 гг. обнаружили подобный центр у д. Кордон Шумилинского района Витебской области. В результате исследований установлено время функционирования комплекса в пределах IX–X вв. Из вещевого материала выделяются вещи североευропейского и ближневосточного происхождения, предметы из Волжской Булгарии¹³.

⁷ Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии... С. 487.

⁸ Плохов А. В. К проблеме появления славян в Приильменье // Ладога и религиозное сознание. СПб., 1997. С. 105.

⁹ Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии... С. 491.

¹⁰ Дернович С. Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006. С. 10.

¹¹ Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1977. С. 60–61.

¹² Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии... С. 347.

¹³ Левко О. Н. Кордон — новый памятник археологии эпохи викингов в Восточной Европе // Доклады Национальной академии наук Беларуси. 2016. № 5. С. 123.

При наличии в верховьях Западной Двины и Днепра единичных предметов, имеющих скандинавское происхождение, необходимо отметить, что, согласно верификации североевропейских артефактов с кладами арабских монет, постоянное присутствие скандинавов в Восточной Европе до конца IX в. устойчиво локализуется только в Поволховье (Ладога и Рюриково городище). Во второй половине IX в. район Витебска и д. Кордон были крайними точками на Подвинье, которых достигали единичные выходцы из Северной Европы. Как справедливо отмечают А. С. Щавелев и А. А. Фетисов, нет никаких оснований считать скандинавов IX в. значительной частью элиты в поселениях южнее Поволховья¹⁴. Регионы Подвинья и Поднепровья скандинавами только осваивались.

Что касается Полоцка, то отсутствие в городе в IX – первой половине X в. ярко выраженных артефактов североевропейского происхождения определило самостоятельное становление этого центра на основе местных социальных структур¹⁵. Видимо, власть местных вождей не распространялась дальше ближайшей округи полоцкого городища. Само городище IX – первой половины X в. по площади не превышало 1 га. К городищу примыкало селище на Нижнем замке (около 7 га). Согласно исследованиям Н. А. Плавинского, на полоцком городище, прилегающем селище и на территории Нижнего замка отсутствуют находки, которые можно датировать временем ранее середины X в. Летописное сообщение о существовании Полоцка как городского центра в летописном 862 г. в полной мере не подтверждено археологическими данными¹⁶.

Исходя из небольших размеров раннесредневекового полоцкого поселения IX – первой половины X в., можно заключить, что у его обитателей не было военных возможностей для освоения значительных территорий. Начало использования прямого пути по Западной Двине до Днепра, как альтернативного пути Волховско-Днепровскому направлению, относится, по археологическим данным, к первой половине – середине X в.¹⁷ Меч типа «Н», похожий на меч из Брилевского клада, обнаружен Е. Р. Романовым во время раскопок 1891 г. на Комаровой горе на окраине г. Люцина Витебской губернии (современный Лудас Одукалнс, Лудский район, Латвия). Кроме меча, который имеет четкое североевропейское происхождение, в захоронении найдена фибула со звериным орнаментом, что также указывает на скандинавскую принадлежность данного предмета¹⁸. Появление подобных фибул в Восточной Европе относится к рубежу IX–X вв., но основной период их использования относится к X в.¹⁹ Мечи типа «Н» активно использовались в X – начале XI в.²⁰ Меч типа «Н» с клеймом ULFBERT, нанесенным на клинок, найден

¹⁴ Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 309.

¹⁵ Дук Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк, 2010. С. 35.

¹⁶ Плавінскі М. А. Полацк да Рагвалода (пытанні тапаграфіі і храналогіі культурнага слоя) // Acta Archeologica Albaruthenica. 2007. Vol. II. С. 28–30.

¹⁷ Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX–X веков). М., 2018. С. 109.

¹⁸ Дернович С. Д. Скандинавские древности эпохи викингов... С. 33.

¹⁹ Дернович С. Д. Скандинавские древности эпохи викингов... С. 10.

²⁰ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1966. С. 105.

у д. Руба под Витебском. Клинки, обозначенные подобными клеймами, производились во франкских мастерских в регионе Среднего Рейна, откуда особенно активно расходились в Скандинавию и Восточную Европу. Согласно основным направлениям функционирования торгового пути IX–X вв. «из варяг в греки», клинковое оружие в Восточную Европу поступало именно из стран Скандинавии.

Косвенным свидетельством присутствия скандинавов в Полоцке является находка в 1956 г. двухлезвийного меча типа «V» по хронология Я. Петерсена. Меч имеет то же клеймо, что и меч из д. Руба, и датирован X в.²¹ Большая концентрация подобных мечей на торговых путях Восточной Европы свидетельствует о присутствии скандинавских военно-торговых отрядов и постепенного формирования на их основе древнерусской военно-дружинной культуры. Таким образом, предметы североευропейских типов, найденные на территории Подвинья, свидетельствуют о становлении военизированных торговых организаций, связанных с пришельцами из Северной Европы. Данный вывод подтверждают археологические материалы, значительная часть которых имеет северо-европейское происхождение и принадлежит пришлым этническим группам.

При выделении иноэтничных групп, связанных с Северной Европой и отличающихся от основной массы населения Восточной Европы, важное значение имеет сравнение экономики скандинавов (русов) и славян. Согласно исследованиям политантропологов, русы на территории Восточной Европы создают типичные «predatorystates». Главной целью данных образований является контроль транзитной торговли и военная экспансия с целью получения военной добычи и дани. Эта цель достигалась за счет постепенной институализации «рэкеты» славянских территорий²². От славян к русам поступают рабы, пушнина, мед и воск. За счет обмена данных товаров на арабское серебро русы получали возможность накапливать дирхемы и предметы роскоши, которые оседали в торговых поселениях типа Ладоги, Гнёздова, Кордона. Пушнину, мед и воск скандинавы получали от славян, у которых существовала развитая производящая экономика, система сбора и поставки товаров, однако движущей силой дальней торговли были скандинавы.

Преобразование Западной Двины в самостоятельную часть торгового маршрута и, как следствие, довольно значительное положение города в геополитическом пространстве Восточной Европы, стало одной из главных причин прихода в середине X в. на земли Полоцкого Подвинья Рогволода²³. Археологические данные свидетельствуют, что в Полоцкой земле X в. происходили существенные изменения, которые могли быть связаны с установлением власти выходцев из Северной Европы. С середины столетия на Полоцком городище начинается активное фортификационное строительство, что можно косвенно связать с установлением власти первого известного полоцкого правителя Рогволода²⁴. О постепенном возрастании экономической и вместе с ней поли-

²¹ *Дернович С. Д.* Скандинавские древности эпохи викингов... С. 10.

²² *Щавелев А. С.* Русы/Росы в Восточной Европе: Модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 117; *Мельникова Е. А.* Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и Скандинавские страны // Древнейшие государства Восточной Европы. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 405–409.

²³ *Самонова М. Н.* Скандинавы на белорусских землях в IX–X вв.: К постановке проблемы // *Studia Historica Europae Orientalis*. 2010. Вып. 3. С. 25.

²⁴ Русь в IX–X веках: Археологическая панорама... С. 290.

тической мощи Полоцка в этот период свидетельствует наличие монетных кладов, связанных с городом и его округой. В 1973 г. у д. Козьянки под Полоцком был найден клад арабских дирхемов, содержащий 7711 серебряных монет²⁵. Изображение на монете из казьянковского клада двузубца, как символического знака княжеской власти, было выполнено в 10–30-е гг. X в.²⁶ Временем появления этого клада в Полоцкой земле можно считать 30–40-е гг. X в. Еще один клад, относящийся к 70–80-х гг. X в., был найден в 1888 г. в имении Струнь около Полоцка²⁷. Самым известным и значимым считается клад, случайно найденный на территории полоцкого Нижнего замка в 1984 г. Клад состоит из шести золотых предметов — шейных гривен и браслетов²⁸. В контексте данного клада также найдены предметы вооружения в Нижнем Подвинье, что свидетельствует о господстве вдоль Западной Двины в первой половине – середине X в. военно-торговой организации, которая, видимо, являлась главным носителем власти в регионе²⁹.

Выбор места, куда пришел Рогволод, едва ли был случайным. Полоцк занимал значительное место на Балтийско-Черноморском пути. Город с приходом Рогволода начал контролировать выход на среднее течение Западной Двины, который открывал прямой путь на Балтику.

По данным ПВЛ в 6488 (980): «*бе бо Рогъволодь пришедь и-заморья имяше власть свою в Полотьске*»³⁰. О североευропейской принадлежности первого известного правителя Полоцка свидетельствует сообщение, что он «пришел из-за моря» (Северной Европы. — Ю. К.), а также скандинавское имя первого известного правителя Полоцка. Рогволод и его дочь Рогнеда — славянизированные формы древнескандинавских имен «Rögnvaldr» и «Ragnheiðr»³¹.

Таким образом, проникновение пришлого североευропейского военно-торгового населения на территорию Подвинья связано с развитием западнодвинского маршрута Балтийско-Черноморского торгового пути. Контроль над западнодвинским направлением давал значительное материальное обогащение, что являлось существенным источником для поддержания власти. Контроль над важнейшим стратегическим маршрутом стал основной причиной установления в Полоцке власти Рогволода. Полиэтничная, но, вероятно, скандинавская в своей основе военно-торговая группа, которая объединялась вокруг Рогволода, обладала властью, престижем, авторитетом и силой и в итоге создала политическую организацию — «политию Рогволода», из которой выросло Полоцкое княжество и полоцкая идентичность.

Показателем распространения власти пришлого населения и, как следствие, формирования новой социально-политической структуры и этнокультурной идентичности является появление на территории Подвинья новых социальных групп.

²⁵ Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. С. 72.

²⁶ Мельникова Е. А. К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей // Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011. С. 245.

²⁷ Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. С. 73.

²⁸ Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 3. Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). Мінск, 2000. С. 138.

²⁹ Русь в IX–X веках: археологическая панорама... С. 290.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76.

³¹ Мельникова Е. А. 1) Рогволод // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 680; 2) Рогнеда // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 681.

В археологической литературе данные группы отождествляются с «дружинной культурой». Представители данного сообщества на территории Восточной Европы конца IX – X в. обладали элитарным статусом по отношению к местному населению, которое сохраняло родовые традиции³². Одним из показателей формирования элитных групп является возможность привилегированных слоев общества усваивать элементы иноэтнической культуры, которые автоматически придают им престижное значение³³.

В этом случае ключевым является вопрос о материальных критериях выделения нобилитета из общей массы населения. В последние десятилетия в постсоветской археологии вопросы формирования древнерусской элитарной культуры рассматриваются на материалах погребений. При этом материалы Восточной Европы — погребальные насыпи, характер и ритуал захоронения, инвентарь — прямо соотносятся с аналогичными показателями Северной и Центральной Европы IX–XI вв.

Согласно выводам А. А. Фетисова, основным социальным маркером представителей дружинной культуры являются предметы вооружения, сопровождающие погребальный обряд. Также ярким выражением элитарного статуса был значительный этнический импульс, а именно — отчетливое присутствие скандинавской материальной культуры в сочетании с разноэтническими элементами в рамках одного захоронения³⁴.

На территории белорусских земель наиболее информативным показателем процесса формирования новых социальных групп являются курганные некрополи. В данном случае, на наш взгляд, показательны исследования в последние десятилетия курганных могильников Браславского Поозерья. Из всех курганных некрополей севера Беларуси раннесредневековые захоронения Браславычины являются наиболее изученными и задокументированными. Подробные результаты раскопок на сегодняшний день опубликованы в двух монографиях³⁵.

Из группы погребальных памятников IX – первой половины XI в. выделяются курганные некрополи Ахремовцы, Устье (Богино), Опса, Ракицкий Бор, Погоща. Захоронения связываются исследователями с периодом существования культуры смоленско-полоцких длинных курганов (далее — КСПДК) IX–XI вв., которая традиционно отождествляется с летописными кривичами.

В большинстве исследованных курганов обряд захоронения совершен по обряду кремации: Ахремовцы — все захоронения по обряду кремации³⁶; Устье: из 16 захоронений — 15 по обряду кремации³⁷; Опса: из 18 захоронений — 13 трупосожжений³⁸; Ракицкий Бор: из 18 захоронений — 16 по обряду кремации³⁹. Среди данных

³² Фетисов А. А. Дружинная культура Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2012. С. 407.

³³ Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. 1982. № 1. С. 13.

³⁴ Фетисов А. А. Дружинная культура... С. 409–410.

³⁵ Плавінскі М. А. і інш. Курганныя могільнікі захаду Браслаўскага Паазер'я (Матэрыялы раскопак 1978–2010 гадоў). Мінск, 2014; Плавінскі М. А. Курганныя могільнікі Пагошча ў кантэксте сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я. Мінск, 2017.

³⁶ Плавінскі М. А. і інш. Курганныя могільнікі захаду... С. 30–31.

³⁷ Плавінскі М. А. і інш. Курганныя могільнікі захаду... С. 50–54.

³⁸ Плавінскі М. А. і інш. Курганныя могільнікі захаду... С. 104–108.

³⁹ Плавінскі М. А. і інш. Курганныя могільнікі захаду... С. 133–136.

некрополей особенно выделяется курганный могильник Погоща, в котором преобладает обряд ингумации (из 10 захоронений — только 3 по обряду кремации)⁴⁰. Со значительной долей уверенности можно считать, что захоронение по обряду кремации было осуществлено местным населением. При этом крайне сомнительным выглядит отождествление КСПДК с кривичами древнерусских летописей.

Согласно мнениям исследователей, представителей КСПДК объединяет прежде всего схожая материальная культура. Так, к признакам КСПДК относятся: погребальный обряд трупосожжения с насыпанием над прахом кургана, тип лепной керамики с «плечиками», определенные типы женских украшений (венцы-вайнаги, бронзовые трапециевидные подвески, серповидные височные кольца)⁴¹.

При этом крайне сложно говорить о населении КСПДК как некоей единой этнической общности. Согласно археологическим исследованиям культуры длинных курганов, не удалось выявить явную закономерность как в ориентации курганных насыпей, так и в их строении и особенностях погребального обряда⁴². Для КСПДК характерны захоронения по обряду кремации, однако тип данных захоронений был различным. Захоронения кремированных останков могли осуществляться: 1) в яме основания насыпи; 2) на основании насыпи; 3) на площадке в самой насыпи; 4) в яме на площадке в насыпи; 5) на вершине насыпи; 6) на разных уровнях в одной насыпи. При этом некоторые из этих вариантов (или все перечисленные типы захоронений) могли встречаться в границах одного некрополя. Данная ситуация характерна для всех исследованных могильников Браславского Поозерья⁴³.

Схожие типы материальной культуры также не могут быть отнесены к типично «кривическим». Так, например, венец-вайнага и трапециевидные подвески, как элементы головного украшения, помимо КСПДК были характерны для балтского населения Нижнего Подвинья⁴⁴. Трапециевидные подвески, аналогичные находкам из курганных некрополей КСПДК, находят в захоронениях Центральной Европы и Балтийского региона⁴⁵. Также в некоторых некрополях Браславского Поозерья (Опса, Ракицкий Бор, Погоща) помимо артефактов, характерных для КСПДК, встречаются предметы древнерусской культуры (бронзовые пуговицы от кафтана, широкосердцевидные перстни, браслетовидные височные кольца с завязанными концами, железные подкововидные фибулы, грушевидные погремушки), а также украшения без определенной этнокультурной идентификации⁴⁶.

⁴⁰ Плавінскі М. А. Курганны могільнік Пагошча... С. 154.

⁴¹ Штыхаў Г. В. Кривічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск, 1992. С. 51–54; Вайцяховіч А. В. Знаходкі трапецападобных падвесак у курганах Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Збірнік. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г. Ч. 1. Наваполацк, 2014. С. 39.

⁴² Михайлова Е. Р. К характеристике погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. М., 2014. С. 325–328.

⁴³ Плавінскі М. А. Курганны могільнік Пагошча... С. 164, мал. 141; 168, мал. 144; 175, мал. 149; 178, мал. 152.

⁴⁴ Радиньш А. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // Archaeologia Lituana. № 2. Vilnius, 2001. С. 73–76.

⁴⁵ Рудницкий М. Контакты между западными балтами и славянами в VI–VII вв.: Археологические данные // Stratum plus. 2014. № 5. С. 98–102.

⁴⁶ Плавінскі М. А. і інш. Курганныя могільнікі захаду... С. 104–108, 133–136.

На наш взгляд, объединение населения северной Беларуси IX–X вв. в рамках КСПДК может осуществляться лишь условно, на основании некоторых особенностей общей материальной культуры, в частности — элементов женских украшений (серповидные и круглые височные кольца) и типа лепной керамики. Говорить же о едином этнокультурном сообществе не представляется возможным, так как отсутствует информация, которая могла бы подтвердить представления об этнической гомогенности населения. Надежной информативной базой в данном случае мог бы послужить погребальный обряд, однако по данным раскопок и он не представлял четкого единства⁴⁷.

Из всех курганных могильников Браславщины наибольший интерес представляют захоронения по обряду ингумации. Большинство из них совершено в курганном могильнике Погоща на восточном берегу оз. Бержонка на крайнем северо-западе Республики Беларусь. Подробное археологическое изучение некрополя с 2004 по 2010 гг. осуществлялось Н. А. Плавинским. Из 11 захоронений некрополя 9 совершено по обряду ингумации. Интерес вызывает как сам обряд захоронений, так и сопутствующий инвентарь. Захоронения в курганах 1, 3, 10, 7 (захоронения 1 и 2), 15, 6, 12 (захоронение 1 и 2), 5 (захоронения 1 и 2) и 14 совершены в подкурганной яме, покрытой деревянным настилом. В курганах 10, 15, 6, 12, 5 покойники были помещены в берестяные конструкции наподобие гробов⁴⁸. В кургане 12 размещалось 3 захоронения. Одна кремация поверх деревянного настила представительницы КСПДК и две ингумации — мужчина с богатым инвентарем и женщина без инвентаря⁴⁹. Шесть из семи мужских захоронений (курганы 1, 5, 6, 10, 12, 14) сопровождалась предметами вооружений — топорами и копьями⁵⁰. Интерес представляет набор инвентаря в кургане 12, который включает предметы, связанные с торговой деятельностью: рычажные весы с набором гирек разновесов, куфические дирхемы, два денария Оттона III⁵¹. Вне всяких сомнений, данное захоронение принадлежало представителю военно-торговой элиты.

Количество ингумаций в Погоще существенно выделяется на фоне синхронных захоронений Браславского Поозерья (Ахремовцы, Устье, Ракицкий Бор, Опса). Однако в редких захоронениях по обряду ингумации из данных некрополей можно найти некоторые похожие признаки с погощанскими курганами. Это, в первую очередь, предметы вооружения. В курганном могильнике Устье в кургане 61 из предметов вооружения был обнаружен наконечник копья и топор⁵². В могильнике Опса в кургане 4 найден топор типа IV (по классификации А. Н. Кирпичникова). С могильником Опса связан размещенный неподалеку могильник Довбор, где был обнаружен наконечник копья⁵³.

⁴⁷ Также в погребениях КСПДК IX–X вв. практически отсутствуют предметы вооружения, что может свидетельствовать о слабой социальной дифференциации местного населения. Единичные находки оружия (два однолезвийных меча, наконечник дротика, девять наконечников стрел, два узколезвийных топора) относятся к VI–VIII вв., для X в. уже архаичны и существенно не выделяются на общем фоне. См.: Михайлова Е. Р. Находки предметов вооружения в псковских длинных курганах // *Acta Archeologica Albaruthenica*. 2013. Vol. IX. С. 29–35.

⁴⁸ Плавінскі М. А. Курганны могільнік Пагошча... С. 156.

⁴⁹ Плавінскі М. А. Курганны могільнік Пагошча... С. 97–123.

⁵⁰ Плавінскі М. А. Курганны могільнік Пагошча... С. 156.

⁵¹ Плавінскі М. А. Курганны могільнік Пагошча... С. 110–114.

⁵² Плавінскі М. А. і інш. Курганныя могільнікі захаду... С. 50–54.

⁵³ Плавінскі М. А. і інш. Курганныя могільнікі захаду... С. 104–108.

В курганном могильнике Ракицкий бор в кургане 4 обнаружен ланцетовидный наконечник копья и топор типа IV (по классификации А. Н. Кирпичникова)⁵⁴.

Курганные могильники Браславского Поозерья датируются второй половиной X – первой половиной XI в. Наиболее узкая датировка, предложенная Н. А. Плавинским, — конец X – начало XI в.⁵⁵ Практически все захоронения, совершенные по обряду ингумации, представляют собой элитарные погребения. По составу инвентаря они значительно богаче захоронений представителей КСПДК, совершенных по обряду кремации. Курганы КСПДК — крайне бедные и не содержат предметов вооружения.

Таким образом, по наличию погребального инвентаря можно сделать вывод о социальных статусах и функциях погребенных по обряду ингумации. Эти люди не были связаны с местным населением и представляли иную социокультурную группу. Размеры могильных ям и особенности возведения курганов и самих захоронений (в подкурганых ямах, в деревянных и берестяных конструкциях с деревянным настилом) позволяют говорить о знакомстве населения, которое их оставило, с «камерными погребениями», которые встречаются в ранних древнерусских центрах: Ладоге (курганый некрополь Плакун), Гнёздово, Тимерёво, Шестовицах, Киеве. Как отмечает специалист по камерным захоронениям Восточной Европы К. А. Михайлов, погребенные в камерах люди были «вождями» небольших отрядов, главами семей и торговых групп. Верхушкой той социальной страты, которую в X в. в Восточной Европе называли Русь⁵⁶. Исследователь связывает особенности камерного погребального обряда с богатым инвентарем с политическими и социокультурными процессами, которые происходили в Северной и Восточной Европе на протяжении X в., а именно — с формированием раннесредневековых государств. Параллельно с этим на территории Восточной Европы происходит формирование новой древнерусской идентичности⁵⁷. Сложение новой общности происходит в городах — центрах власти, а затем распространяется на периферию. В случае с белорусским материалом, регион Браславского Поозерья являлся этой периферией, областью распространения культурного и, возможно, политического влияния Полоцка.

На финальных стадиях существования курганных могильников (конец X – начало XI в.) местное население ощущает влияние древнерусских центров. Население постепенно интегрируется в сферу новой традиции, что выявляется в использовании предметов древнерусской культуры, а также распространении элитарных погребений дружинников — непосредственных носителей новой идентичности.

Согласно мнению Н. А. Плавинского, захороненные в курганах Браславщины по обряду ингумации являлись представителями полоцкой княжеской администрации, а некрополь в Погоще оставило население, не связанное с белорусским Подвиньем. В итоге Н. А. Плавинский делает осторожное предположение, что это могли быть представители киевского князя Владимира Святославича (978–1015), власть которого распространялась на Полоцк в конце X – начале XI в.⁵⁸

⁵⁴ Плавінскі М. А. і інш. Курганныя могільнікі захаду... С. 133–136.

⁵⁵ Плавінскі М. А. Курганны могільнік Пагошча... С. 200.

⁵⁶ Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североамериканских аналогий. СПб., 2016. С. 167.

⁵⁷ Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд... С. 181.

⁵⁸ Плавінскі М. А. Курганны могільнік Пагошча... С. 200.

Безусловно, влияние полоцкого центра на отдаленные территории Подвинья отчетливо прослеживается археологически. Однако маловероятно, что эти земли во второй половине X – начале XI в. постоянно контролировались Полоцком и прочно зависели от полоцкого или киевского князя. Отдаленные труднопроходимые территории без налаженных средств коммуникации и логистики делали воинские контингенты, находящиеся на периферии, фактически автономными центрами власти. По существу — это независимые или полунезависимые элитарные группы, которые лишь номинально подчинялись центру. Возможно, их зависимость ограничивалась выплатой определенной суммы налога (дани).

В этой связи вполне уместно соотнесение территориально-политической структуры формирующегося Полоцкого княжества второй половины X – начала XI в. с сегментными государствами. Это политии, в которых сферы ритуального суверенитета и политического суверенитета не всегда совпадают. Ритуальный суверенитет распространяется на постоянно меняющуюся периферию, политический суверенитет — на непосредственный центр и его близлежащую территорию⁵⁹.

Помимо Погочи во второй половине X в. дружинные группы расселяются в сельских местностях в непосредственной близости от Полоцка и связаны с установлением власти полоцкого князя Рогволода. Об этом свидетельствует возникновение могильников Банонь и Бельчица, где инвентарь захоронений соответствует другим могильникам с дружинными захоронениями⁶⁰. Распространение элементов новой дружинной культуры наблюдается на северо-востоке Полоцкой земли (Выщадки) и в бассейне р. Дисна (Черневичи). Кроме этого, регионы, где в захоронениях найдены статусные вещи, включают верховья Березины Днепроvской (Бирули, Витуничи), Ушачи Двинской (Рыбаки, Селище, Славене) и Вилии Неманской (Избище). Все захоронения относятся ко второй половине X – началу XI в.⁶¹

Процесс установления власти новой дружинной элиты в ряде случаев сопровождался военным путем. Об этом свидетельствует наличие следов пожара X в. на укрепленном городище у г. Лукомль в 100 км к югу от Полоцка⁶², а также находки ланцетовидных наконечников стрел североевропейского происхождения, датированных второй половиной X – началом XI в.⁶³ В могильнике Замошье, которое находится в непосредственной близости от лукомльского городища, выделяется захоронение с элементами наборного пояса X в., что является показателем высокого социального статуса погребенного и принадлежности его к дружинной элите.

⁵⁹ Литовских Е. В., Щавелев А. С. Территория Руси и Норвегии в первой половине X в. (к сравнению двух ранних языческих государств) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2014. С. 170–171.

⁶⁰ Ляўданскі А. Н. Археалёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Запіскі аддзелу гуманітарных Беларускае акадэміі навук. Мінск, 1930. С. 179–196; Войтехович А. В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X–XII вв. Минск, 2019. С. 100.

⁶¹ Вайцяховіч А. В. Змены ў абрадзе крэмацыі на тэрыторыі Полацкай зямлі ў X ст. // Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян». Мінск, 2011. С. 180; Войтехович А. В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли... С. 100.

⁶² Еремеев И. И. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // Acta Archaeologica Albaruthenica. 2007. Vol. I. С. 111.

⁶³ Штыхов Г. В. Древний Лукомль — материальная культура в этническом аспекте (I тысячелетие н. э.) // Збірнік. ьатэрыялаў міжнароднай навуковай канферэнцыі «Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян». Мінск, 2011. С. 54.

Таким образом, процесс формирования устойчивого этнополитического сообщества на территории белорусского Подвинья непосредственным образом связан с приходом сюда нового населения — носителей традиций дружинной культуры. Новые социальные группы являются носителями власти и выделяются среди местного населения наличием престижных предметов, которые отчетливо маркируют их социальный статус и функции. В этой связи к политическому образованию, возглавляемому Рогволодом, на наш взгляд, уместно применение термина «дружинное государство» — формы социальной организации, где основные управленческие функции осуществляются дружиной во главе с вождем⁶⁴.

На землях белорусского Подвинья дружинная культура формируется во второй половине IX – X в. Это связано с проникновением в этот регион североевропейского населения, основу которого составляют военно-торговые группы. Полоцк, где к середине X в. устанавливается власть одного из предводителей данных групп — скандинавского вождя Рогволода, на протяжении второй половины X в. распространяет свое прямое или опосредованное влияние на весь регион Среднего Подвинья — от Браславского Поозерья на западе до Лукомля и Друцка на востоке.

Полития Рогволода, как первая устойчивая территориально-политическая организация на землях Подвинья, создала институциональные основы для последующей консолидирующей идеологии («ядра традиции», согласно Р. Венскусу), воплощенной в XI в. полоцкими князьями Рогволодовичами в формирование этнополитической общности «полочане».

Информация о статье

Автор: Кежа, Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, Полоцкий государственный университет, Новополоцк, Республика Беларусь, Orc ID 0000-0001-9760-0341; e-mail: kezha04@mail.ru

Заголовок: Полития Рогволода и формирование этнополитической организации на территории Среднего Подвинья в X в.

Резюме: В статье рассматривается начало формирования этнополитической общности на территории белорусского Подвинья, известной по летописным источникам как «полочане». В качестве методологической основы автор использует основные положения, разработанные представителями «Венской школы исторической этнографии». Автор выделяет в раннесредневековой (IX–X вв.) истории Восточной Европы значительные социально-политические изменения, обусловленные появлением новых элит. С их возникновением связывается формирование устойчивых этнополитических сообществ. Исходя из отсутствия в Полоцке и полоцкой округе в IX – первой половине X в. ярко выраженных артефактов североевропейского происхождения, подтверждается заключение о первоначальном становлении этого центра на основе местных социальных структур. Существенные социально-политические изменения в Восточной Европе возникают в эпоху викингов (IX–XI вв.). Проникновение североевропейских военно-торговых групп на территорию Среднего Подвинья связано с началом активного функционирования с середины X в. западновинского ответвления Балтийско-Черноморского пути (торговый путь «из варяг в греки»). Активное развитие данного маршрута стало основной причиной утверждения в регионе Полоцкого Подвинья скандинавского вождя Рогволода и формирования территориально-политической организации, условно именуемой «полития Рогволода». С середины – второй половины X в. на территории Среднего Подвинья наблюдается социальная трансформация, связанная с формированием элитных военно-торговых групп и становлением дружинной культуры.

⁶⁴ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011. С. 23.

Полития Рогволода как первая устойчивая территориально-политическая организация на землях Подвинья создала институциональные основы для последующей консолидирующей идеологии («ядра традиции», согласно Р. Венскусу), воплощенной в XI в. полоцкими князьями Рогволодовичами в формирование этнополитической общности «полочане».

Ключевые слова: полочане, полития Рогволода, дружинная культура, Среднее Подвинье, Полоцк, этничность, пути межкультурной коммуникации

Литература использованная в статье:

Алимов, Денис Евгеньевич. Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX в. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. 380 с.

Арутюнов, Сергей Александрович. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. 1982. № 1. С. 8–21.

Археологія Беларусі: У 4 т. Т. 3. Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Навук. рэд. Лысенка, Петр Федаравіч. Мінск: Беларуская навука, 2000. 554 с.

Вайцяховіч, Андрэй Вячаслававіч. Знаходкі трапецападобных падвесак у курганах Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Зборнік навуковых артыкулаў II міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 17–18 красавіка 2014г.) Ч. 1 / Пад агульн. рэд. Дука, Дзяніса Уладзіміравіча; Лобача, Уладзіміра Аляксандравіча; Шыдлоўскага, *Сяргея Алегавіча.* 2014. Наваполацк: Полацкі дзярж. ун-т 2014. С. 35–40.

Вайцяховіч, Андрэй Вячаслававіч. Змены ў абрадзе крэмацыі на тэрыторыі Полацкай зямлі ў X ст. // Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян». Мінск: Беларуская навука, 2011. С. 178–184.

Войтеховіч, Андрэй Вячаслававіч. Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X–XII вв. Минск: Беларуская навука, 2019. 269 с.

Дернович, Сергей Дмитриевич. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2006. 61 с.

Дук, Дзяніс Уладзіміравіч. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк: ПДУ, 2010. 180 с.

Еремеев, Иван Игоревич; Дзюба, Ольга Федоровна. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. 670 с.

Еремеев, Иван Игоревич. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. I. Вып. 1. Минск, 2007. С. 110–134.

Кежа, Юрий Микалаевич. Асноўныя фактары станаўлення і легітымизацыі княжацкай улады на беларускіх землях у VIII–X стст. // Studia Historica Europae Orientalis. Вып. 6. Минск: РИВШ, 2013. С. 7–60.

Кибинь, Алексей Сергеевич. От Ятвязи до Литвы: Политические и социокультурные трансформации в бассейне Верхнего Немана в X–XIII в. Москва: Квадрига, 2012. 272 с.

Кирпичников, Анатолий Николаевич. Древнерусское оружие. Ленинград: Наука, 1966. 648 с.

Коновалова, Ирина Геннадьевна; Мельникова, Елена Александровна. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX–X ввек). Москва: Весь мир, 2018. 280 с.

Левко, Ольга Николаевна. Кордон — новый памятник археологии эпохи викингов в Восточной Европе // Доклады Национальной академии наук Беларуси. № 5. Минск: Беларуская навука, 2016. С. 120–127.

Леонтьев, Андрей Евгеньевич. Археологические памятники ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры. Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси. Москва: Институт археологии РАН, 1988. С. 6–25.

Литовских, Елена Владимировна; Цавелев, Алексей Сергеевич. Территория Руси и Норвегии в первой половине X в. (К сравнению двух ранних языческих государств) // Восточная Европа в древности и средневековье. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 163–173.

Мельникова, Елена Александровна. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. Москва: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2011. С. 15–34.

Мельникова, Елена Александровна. К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей // Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. Москва: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2011. С. 241–248.

Мельникова, Елена Александровна. Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и Скандинавские страны // Древнейшие государства Восточной Европы. Экономические системы

Евразии в раннее Средневековье / Отв. ред. тома Щавелев, Алексей Сергеевич. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 390–440.

Михайлов, Кирилл Алексеевич. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: Камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий. Санкт-Петербург: Издательский дом «Бранко», 2016. 272 с.

Михайлова, Елена Робертовна. Находки предметов вооружения в псковских длинных курганах // Acta Archeologica Albaruthenica. Vol. IX. Мінск, 2013. С. 29–44.

Михайлова, Елена Робертовна. К характеристике погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 29. Москва; Псков; Санкт-Петербург, 2014. С. 325–328.

Плавінскі, Мікалай Аляксандравіч і інш. Курганныя могільнікі захаду Браслаўскага Паазер'я (матэрыялы раскопак 1978–2010 гадоў). Мінск: Галіяфы, 2014. 220 с.

Плавінскі, Мікалай Аляксандравіч. Курганныя могільнікі Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017. 242 с.

Плавінскі, Мікалай Аляксандравіч. Полацк да Рагвалода (Пытанні тапаграфіі і храналогіі культурнага слоя) // Acta Archeologica Albaruthenica. Vol. II. Мінск, 2007. С. 25–44.

Плохов, Алексей Вячеславович. К проблеме появления славян в Приильмень // Ладога и религиозное сознание. Санкт-Петербург: ПАМ, 1997. С. 105–108.

Радиньш, Арнис. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // Archaeologia Litwana. № 2. Vilnius, 2001. С. 65–118.

Рудницкий, Мирослав. Контакты между западными балтами и славянами в VI–VII вв.: Археологические данные // Stratum plus. 2014. № 5. С. 91–117.

Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. Макаров, Николай Андреевич. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.

Рябцевич, Валентин Наумович. О чем рассказывают монеты? Минск: Народная асвета, 1977. 399 с.

Самонова, Мария Николаевна. Скандинавы на белорусских землях в IX–X вв.: К постановке проблемы // Studia Historica Europae Orientalis. Вып. 3. Минск: РИВШ, 2010. С. 16–29.

Стефанович, Петр Сергеевич. Новые подходы к медиевистике: Взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность. 2018. С. 467–487.

Фетисов, Александр Анатольевич. «Дружинная культура» Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. Москва, 2012. С. 406–436.

Шпирт, Андрей Михайлович. Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего средневековья (опыт историографического обзора) // Альманах по истории средних веков и раннего Нового времени. 2013. № 3–4. С. 42–52.

Штыхаў, Георгій Васільевіч. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.

Штыхов, Георгий Васильевич. Древний Лукомль — материальная культура в этническом аспекте (I тысячелетие н. э.) // Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян». Мінск: Беларуская навука, 2011. С. 45–59.

Щавелев, Алексей Сергеевич; Фетисов, Александр Анатольевич. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / Отв. ред. Щавелев, Алексей Сергеевич. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 278–328.

Щавелев, Алексей Сергеевич. Русь/Росы в Восточной Европе: Модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян // Уральский исторический вестник. № 1 (38). Екатеринбург: Институт истории и археологии РАН, 2013. С. 112–121.

Information about the article

Author: Kezha, Yury Nikolaevich — PhD in History, Associate Professor, Polotsk State University, Novopolotsk, Republic of Belarus, OrcID 0000-0001-9760-0341; e-mail: kezha04@mail.ru

Title: Rogvolod's Polity and formation of an ethnopolitical organization on the territory of the Middle Dvina in the Xth century

Summary: The article discusses the first stages in the formation of an ethnopolitical community on the territory of the Belarusian Dvina, known from the annals as «Polochan». Using basic principles

developed by the Vienna School of Historical Ethnography, the author identifies significant socio-political changes in the early medieval (9th–10th centuries) history of Eastern Europe due to the emergence of new elites. The formation of stable ethnopolitical communities is associated with the emergence of these elite groups. The absence of particular artifacts of northern European origin in Polotsk and the Polotsk okrug in the 9th – the first half of the 10th century suggests the independent formation of this center on the basis of local social structures. Significant socio-political changes in Eastern Europe arose during the Viking era (9th–10th centuries), and penetration of the North European military-trade groups into the territory of the Middle Dvina was associated with the beginnings of the active functioning of the West-Dvina branch of the Baltic-Black Sea route (the trade route «from the Varangians to the Greeks»). The development of this route became the main reason why Scandinavian leader Rogvolod came to the Polotsk region and formed a territorial and political organization, conditionally referred to as the «Rogvolod Polity». After the middle to the second half of the 10th century, a social transformation took place on the territory of the Middle Dvina, associated with the formation of elite military-trade groups and the formation of a brigade culture. The Rogvolod Polity, as the first stable territorial and political organization in the Dvina basin, created the institutional foundations for the subsequent consolidating ideology (the «core of tradition» according to R. Wenskus), embodied in the 11th century Polotsk princes Rogvolodovich in the formation of the ethno-political community «Polochane».

Keywords: Polochans, Rogvolod's Polity, the brigade culture, Middle Dvina, Polotsk, ethnicity, ways of intercultural communication

References:

- Alimov, Denis Evgenyevich. *Etnogenez khorvatov: Formirovanie khorvatskoy etnopoliticheskoj obshchnosti v VII–IX v. [Ethnogenesis of the Croats: The formation of the Croatian ethno-political community in the 7th–9th centuries]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016. 380 p. (in Russian).
- Arutyunov, Sergey Aleksandrovich. Protssesy i zakonomernosti vkhozhdeniya innovatsiy v kul'turu etnosa [Processes and patterns of innovation in the culture of the ethnos], in *Soviet ethnography*. 1982. No. 1. Pp. 8–21. (in Russian).
- Dernovich, Sergey Dmitrievich. *Skandinavskie drevnosti epokhi vikingov v Belarusi [Scandinavian antiquities of the Viking Age in Belarus]*. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2006. 61 p. (in Russian).
- Duk, Dzyanis Uladzimiravich. *Polatsk i palachane (IX–XVIII stst.) [Polotsk and Polotsk inhabitants (9th–18th)]*. Navapolatsk: PDU Press, 2010. 180 p. (in Belarusian).
- Eremeev, Ivan Igorevich. Drevniy Lukoml'. Lepnaya keramika i rannesrednevekoviy kul'turniy sloy [Ancient Lukoml. Molded ceramics and early medieval cultural layer], in *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Vol. I. No. 1. Minsk, 2007. Pp. 110–134. (in Russian).
- Eremeev, Ivan Igorevich; Dzyuba, Olga Fedorovna. *Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti Puti iz varyag v greki. Arkheologicheskie i paleogeograficheskie issledovaniya mezhdru Zapadnoy Dvinoj i ozerom Ilmen' [Essays on the historical geography of the forest part of the Way from the Varangians to the Greeks. Archaeological and paleogeographic studies between the Western Dvina and Lake Ilmen']*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2010. 670 p. (in Russian).
- Fetisov, Aleksandr Anatolyevich. «Druzhinnaya kul'tura» Drevney Rusi [«Military culture» in Ancient Russia], in *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva*. Moscow, 2012. Pp. 406–436. (in Russian).
- Kezha, Yuriy Mikalaevich. Asnounyya faktory stanaulennyya i legitimizatsiy knyazhatskay ulady na belaruskikh zemlyakh u VIII–X stst. [The main factors of the formation and legitimation of princely power in the Belarusian lands in the 8th–10th centuries], in *Studia Historica Europae Orientalis*. Issue 6. Minsk: RIVSh Publ., 2013. Pp. 7–60. (in Belarusian).
- Kibin', Aleksey Sergeevich. *Ot Yatvyazi do Litvy: politicheskie i sotsiokul'turnye transformatsii v bassejny Verkhnego Nemana v X–XIII v. [From Yatvyaz' to Lithuania: Political and Sociocultural Transformations in the Upper Neman Basin in the 10th–13th centuries]*. Moscow: Kvadriga Publ., 2012. 272 p. (in Russian).
- Kirpichnikov, Anatoliy Nikolaevich. *Drevnerusskoe oruzhie [Old Russian weapons]*. Leningrad: Nauka Publ., 1966. 648 p. (in Russian).
- Konovalova, Irina Gennadyevna; Melnikova, Elena Aleksandrovna. *Drevnyaya Rus' v sisteme evrazijskikh kommunikatsiy (IX–X vekov) [Ancient Russia in the system of Eurasian communications (9th–10th centuries)]*. Moscow: Ves' mir Publ., 2018. 280 p. (in Russian).
- Levko, Olga Nikolaevna. Kordon — noviy pamyatnik arkheologii epokhi vikingov v Vostochnoy Evrope [Cordon — a new monument of archeology of the Viking Age in Eastern Europe], in *Doklady Natsional'noy akademii nauk Belarusi*. No. 5. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2016. Pp. 120–127. (in Russian).

- Leontyev, Andrey Evgenyevich. Arkheologicheskie pamyatniki rostovskoy meri [Archaeological monuments of the Rostov tribe meria], in *Problemy izucheniya drevnerusskoy kul'tury. Rasselenie i etnokul'turnye protsessy na Severo-Vostoke Rusi*. Moscow: Institute of Archeology (RAS) Press, 1988. Pp. 6–25. (in Russian).
- Litovskikh, Elena Vladimirovna; Shchhavelev, Aleksey Sergeevich. Territoriya Rusi i Norvegii v pervoy polovine X v. (k sravneniyu dvukh rannikh yazycheskikh gosudarstv) [The territory of Russia and Norway in the first half of the 10th century (compared to the two early pagan states)], in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekovye*. Moscow: Institute of World History, Russian academy of science Press, 2014. Pp. 163–173. (in Russian).
- Lysenka, Petr Fedaravich (ed.). *Arkheologiya Belarusi*: U 4 t. T. 3. Syarednevyakovy peryad (IX–XIII stst.) [Archeology of Belarus: In 4 vols. Vol. 3. Medieval period (9th–13th centuries)]. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2000. 554 p. (in Belarusian).
- Makarov, Nikolay Andreevich (ed.). *Rus' v IX–X vekakh: Arkheologicheskaya panorama [Rus' in the 9th–11th centuries: archaeological panorama]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2012. 496 p. (in Russian).
- Melnikova, Elena Aleksandrovna. Ekonomicheskie sistemy v epokhu obrazovaniya gosudarstva: Drevnyaya Rus' i Skandinavskie strany [Economic systems of the emerging states: Ancient Rus' and Scandinavian countries], in Shchhavelev, Aleksey Sergeevich (ed.). *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e*. Moscow: Dmitry Pozharsky University Press, 2017. Pp. 390–440. (in Russian).
- Melnikova, Elena Aleksandrovna. K voprosu o proiskhozhdenii znakov Ryurikovichey [On the origin of the signs of Rurikovich], in *Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: Izbrannye trudy*. Moscow: Russian Foundation for Support of Education and Science Publ., 2011. Pp. 241–248. (in Russian).
- Melnikova, Elena Aleksandrovna. K tipologii predgosudarstvennykh i rannegosudarstvennykh obrazovaniy v Severnoy i Severo-Vostochnoy Evrope (Postanovka problemy) [On the typology of pre-state and early state formations in Northern and North-Eastern Europe (Problem statement)], in *Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: Izbrannye trudy*. Moscow: Russian Foundation for Support of Education and Science Publ., 2011. Pp. 15–34. (in Russian).
- Mikhaylov, Kirill Alekseevich. *Elitarniy pogrebal'niy obryad Drevney Rusi: kamernye pogrebeniya IX – nachala XI veka v kontekste severoevropeyskikh analogiy [Elite burial rite of Ancient Russia: chamber burials in the 9th – the beginning of the 11th century in the context of the Northern European analogies]*. St. Petersburg: «Branko» Publ., 2016. 272 p. (in Russian).
- Mikhaylova, Elena Robertovna. K kharakteristike pogrebal'noy obryadnosti kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov [On the characterization of the funeral rites of the culture of the Pskov long mounds], in *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli*. Issue 29. Moscow; Pskov; St. Petersburg, 2014. Pp. 325–328. (in Russian).
- Mikhaylova, Elena Robertovna. Nakhodki predmetov vooruzheniya v pskovskikh dlinnykh kurganakh [Finds of weapons in the Pskov long mounds], in *Acta Archeologica Albaruthenica*. Vol. IX. Minsk, 2013. Pp. 29–44. (in Russian).
- Plavinski, Mikalay Alyaksandravich. *Kurganny mogil'nik Pagoshcha u kantekestse sinkhronnykh starazhynastysyau Braslauskaga Paazerya [Pahosca barrow cemetery in the context of synchronous antiquities of the Braslav lakeland]*. Minsk: A. M. Yanushkevich Publ., 2017. 242 p. (in Belarusian).
- Plavinski, Mikalay Alyaksandravich et al. *Kurgannyya mogil'niki zakhadu Braslauskaga Paazer'ya (materyyaly raskopak 1978–2010 gadoy) [Kurgan burials west of the Braslav Lakes (excavations 1978–2010)]*. Minsk: Galiyafy Publ., 2014. 220 p. (in Belarusian).
- Plavinski, Mikalay Alyaksandravich. Polatsk da Ragvaloda (pytanni tapagrafii i khranalogii kulturnaga sloya) [Polotsk to Rogvolod (issues of topography and chronology of the cultural layer)], in *Acta Archeologica Albaruthenica*. Vol. II. Minsk, 2007. Pp. 25–44. (in Belarusian).
- Plokhov, Aleksey Vyacheslavovich. K probleme poyavleniya slavyan v Priil'men'e [To the problem of the appearance of the Slavs on Lake Ilmen], in *Ladoga i religioznoe soznanie*. St. Petersburg: PAM Publ., 1997. Pp. 105–108. (in Russian).
- Radinsh, Arnis. Pogrebal'niy obryad i inventar' latgalskikh zakhoroneniya 10–13 vekov [Funeral rite and inventory of Latgale burials in the 10th–13th centuries], in *Archaeologia Lituana*. No. 2. Vilnius, 2001. Pp. 65–118. (in Russian).
- Rudnitskiy, Miroslav. Kontakty mezhdz zapadnymi baltami i slavyanami v VI–VII vv.: Arkheologicheskie dannye [Contacts between the Western Balts and Slavs in the 6th–7th centuries: archaeological data], in *Stratum plus*. 2014. Vol. 5. Pp. 91–117. (in Russian).

- Ryabtsevich, Valentin Naumovich. *O chem rasskazyvayut monety? [What do the coins tell us about?]*. Minsk: Narodnaya asveta Publ., 1977. 399 p. (in Russian).
- Samonova, Mariya Nikolaevna. Skandiny na belorusskikh zemlyakh v IX–X vv.: K postanovke problemy [Scandinavians on the Belarusian lands in the 9th–10th centuries: to the formulation of the problem], in *Studia Historica Europae Orientalis*. 2010. Issue 3. Pp. 16–29. (in Russian).
- Shchhavelev, Aleksey Sergeevich. Rusy/Rosy v Vostochnoy Evrope: Model' invazii i nekotorye osobennosti integratsii v mire vostochnykh slavyan [Rus/Ros in Eastern Europe: A model of invasion and some features of integration in the world of the Eastern Slavs], in *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (38). Ekaterinburg: Institute of History and Archeology, Russian academy of science, 2013. Pp. 112–121. (in Russian).
- Shchhavelev, Aleksey Sergeevich; Fetisov, Aleksandr Anatolyevich. K istoricheskoy geografii Vostochnoy Evropy IX v. 2. Karta skandinavskikh kompleksov i artefaktov [To the historical geography of Eastern Europe in the 9th century. 2. Map of Scandinavian complexes and artifacts], in Shchhavelev, Aleksey Sergeevich (ed.). *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekovye*. Moscow: Dmitry Pozharsky University Press, 2017. Pp. 278–328. (in Russian).
- Shpirt, Andrey Mikhaylovich. Venskaya shkola istoricheskoy etnografii i problema etnogeneza v epokhu rannego srednevekovya (opyt istoriograficheskogo obzora) [Vienna School of Historical Ethnography and the Problem of Ethnogenesis in the Early Middle Ages (Historiographic Review Experience)], in *Almanakh po istorii srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*. 2013. No. 3–4. Pp. 42–52. (in Russian).
- Shtykhau, Georgiy Vasilyevich. *Kryvichy: pa materyyalakh raskopak kurganou u Paunochnay Belarusi [Krivichi: based on excavation of burial mounds in Northern Belarus]*. Minsk: Navuka i tekhnika Publ., 1992. 191 p. (in Belarusian).
- Shtykhov, Georgiy Vasilyevich. Drevniy Lukoml' — material'naya kul'tura v etnicheskom aspekte (I tysyacheletie n. e.) [Ancient Lukoml' — material culture in the ethnic aspect (1st millennium AD)], in *Zbornik materyyalau mizhnarodnay navukovay kanferentsyi «Aktualnyya poblemy rannay gistoryi slavyan»*. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2011. Pp. 45–59. (in Russian).
- Stefanovich, Petr Sergeevich. Novye podkhody k medievistike: Vzglyad iz «drevnerusskoy perspektivy» [New Approaches to Medieval Studies: A View from the «Old Russian Perspective»], in *Istoricheskaya pamyat' i rossiyskaya identichnost'*. 2018. Pp. 467–487. (in Russian).
- Voytekhovich, Andrey Vyacheslavovich. *Pogrebalniy obryad naseleniya Polotskoy zemli v X–XII vv. [Funeral rite of the population of Polotsk land in the 10th–12th centuries]*. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2019. 269 p. (in Russian).
- Vaytsyakhovich, Andrey Vyachaslavovich. Zmeny u abradze krematsyi na terytorii Polotskay zyamli u X st. [Changes in the cremation ritual on the territory of the Polotsk land in the 10th century], in *Materyyaly mizhnarodnay navukovay kanferentsyi «Aktualnyya poblemy rannay gistoryi slavyan»*. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2011. Pp. 178–184. (in Belarusian).
- Vaytsyakhovich, Andrey Vyachaslavovich. Znakhodki trapetsapadobnykh padvesak u kurganakh Paŭnochnay i Tsentralnay Belarusi [Detection of trapezoidal pendants in barrows of Northern and Central Belarus], in Duk, Dzyanis Uladzimiravich; Lobach, Uladzimir Alyaksandravich; Shydouskiy, Syargey Alegavich (eds). *Bielaruskaje Padzvinnie: Vopyt, metodyka i vyniki paliavykh i miŭdzysyplinarnykh dasliedavanniaŭ: Zbornik navukovykh artykulaŭ II miŭznarodnay navukovay kanfierencyi, Polatsk, 17–18 krasav. 2014 g. Part 1. Navapolatsk: Polotsk State University Press, 2014. Pp. 35–40. (in Belarusian).*